

— Цянь Яо, Цянь Яо!

Ему почудилось, будто кто-то зовёт его по имени. Он хотел обернуться, чтобы узнать, чей это голос, но сил не было. Юноша лишь почувствовал, как чьи-то руки бережно приподнимают его и вливают в рот какую-то жидкость. Цянь Яо не чувствовал вкуса, но пил покорно, без сопротивления.

«Слушаться. Я должен быть послушным»

Однако стоило ему допить лекарство, как перед глазами возникла длинная, пугающе острая игла, готовящаяся вонзиться прямо в его макушку. Увидев это, Цянь Яо откуда-то черпнул сил: он резко сел, вжался в угол кровати и с головой зарылся в одеяло, дрожа всем телом.

— Не надо... Не надо колоть... Я буду слушаться... Я послушный...

— Цянь Яо, — снова позвал кто-то.

Голос казался знакомым, но юноша не смел высунуть голову из своего убежища. Он панически боялся, что, едва он покажется снаружи, игла тут же пронзит его макушку. К счастью, голос, звучавший возле самого уха, вскоре смолк, и вокруг вновь воцарилась тишина.

Свернувшись клубком под одеялом, Цянь Яо закутался ещё плотнее. Он не знал, сколько просидел так — время тянулось мучительно долго. Веки тяжелели, сонливость брала своё, но стоило ему лишь на миг сомкнуть глаза, как мрак перед внутренним взором сменялся бесконечными извилистыми тоннелями, рядами железных окон и тем бесформенным «мясным комом», захлёбывающимся в кипящем масле.

Он резко распахнул глаза.

Перед ним была лишь тесная темнота под одеялом. Он ощупал ткань вокруг себя — он всё ещё был в постели. Только это принесло мимолётное успокоение. Юноша сжался ещё сильнее, пытаясь превратиться в крошечную точку. Сон покинул его; теперь он знал, что не сможет уснуть. Стоило векам сомкнуться, как кошмары той ночи оживали с прежней силой.

Беспросветная Тёмная тюрьма, отрубленные пальцы, нечеловеческие крики...

Он даже не помнил, как выбрался оттуда. И выбрался ли он на самом деле? Внезапно охваченный сомнением, юноша снова принялся лихорадочно ощупывать всё вокруг. Лишь коснувшись мягкого одеяла, он немного успокоился.

Он вышел. Он не в подземелье. Рядом нет Вашего Величества, и никто не спрашивает: «Ты послушный?»

Когда Цянь Яо услышал эти слова в темнице, ему показалось, будто император знает о его планах побега. Он едва не начал биться лбом о камни, моля о пощаде и клянясь, что никогда больше не помышлял об уходе. Лишь остатки разума удержали его. Государь не спрашивал о побеге. Он спрашивал лишь о послушании.

Поэтому юноша поспешно ответил:

— Послушный, я послушный.

Что было потом? Кажется, Ци Ань удовлетворённо улыбнулся. А дальше... дальше память обрывалась.

Придя в себя, он обнаружил, что уже вернулся в Двор евнухов. Но вернулось лишь его тело — душа осталась запертой в том ледяном подземелье. Цянь Яо чувствовал, что больше не властен над собой. Он понимал: нужно немедленно возвращаться к службе, нужно быть примерным, ведь во дворце не держат бесполезных людей. Однако он не мог заставить себя даже встать с постели.

Сяо Фуцзы и Сяо Цюаньцзы, заметив его состояние, принялись поить его какими-то отварами. Спустя несколько дней он наконец смог подняться, но сознание по-прежнему то и дело ускользало. Тело и разум словно превратились в чужеродные части одного механизма, которые никак не желали работать вместе.

Он смертельно хотел спать, но не мог закрыть глаза. А без сна он не находил покоя. Круг замкнулся: измождённый до предела, он бодрствовал вопреки собственной природе. Юноша пытался бороться, понимая, что ненужные слуги долго не живут, но чем больше он торопил себя, тем хуже становилось.

«Что же мне делать? Если я не поправлюсь, меня тоже бросят в Тёмную тюрьму?»

Эта мысль привела его в ужас. Из последних сил он отбросил одеяло, но мрак в комнате никуда не делся. На улице стояла ночь, в помещении было пусто — все его соседи были на дежурстве.

Вспомнив, что ему тоже полагается ночная смена, Цянь Яо, пошатываясь, сполз с кровати. Но, добравшись до двери, он почувствовал, что силы окончательно покинули его. Тем не менее, опираясь на стену, он заставил себя сделать шаг наружу. Это был императорский дворец, здесь никто не стал бы с ним нянчиться. Он не мог быть бесполезным, иначе его неминуемо выбросят.

Но мозг отказывался подчиняться. Сделав несколько шагов, Цянь Яо рухнул на пол. В ту же

секунду над ним раздался полный тревоги голос:

— Цянь Яо!

Юноша поднял голову. Это был Сяо Фуцзы. Тот, видимо, только что вернулся и, увидев друга в таком состоянии, поспешил подхватить его под руки и проводить обратно к постели.

— Зачем ты вышел? — беспокоенно спросил Сяо Фуцзы, усаживая его на край кровати.

— Мне нужно... на смену... — пробормотал Цянь Яо, глядя на тёмное небо за окном.

— Не нужно куда идти. Гунгун Ань передал, что в ближайшее время тебе не нужно дежурить по ночам. Тебе велено лечиться.

— Лечиться?.. Но я не болен.

— Как это не болен! Ты нас всех до смерти напугал. Ходишь как привидение, заговариваешься. Мы уж думали, в тебя злой дух вселился. Хорошо, что лекарь приходил. Сказал, что ты просто сильно испугался. Хотел иглоукалывание провести, да ты к себе никого не подпустил. Пришлось ограничиваться отварами.

Услышав про иглы, Цянь Яо снова вспомнил ту острую спицу, что видел, едва открыв глаза.

— Так это было всего лишь иглоукалывание?

— Да, — продолжал Сяо Фуцзы. — Но что с тобой стряслось на самом деле?

Он хотел было расспросить подробнее, но друг снова замолчал, уставившись в одну точку с тем самым отсутствующим видом. Сяо Фуцзы вздохнул, помог ему лечь, а затем принёс чашку с отваром.

Цянь Яо безучастно пил чёрную жижу. Сяо Фуцзы называл это лекарством, но юноша не чувствовал даже горечи. После питья на него навалилась тяжёлая дремота, но сон не шёл. Он боялся даже моргнуть, поэтому просто лежал, уставившись в потолочные балки.

Сколько лет этим балкам? Вешался ли на них кто-нибудь до него?

Мысли о смерти не покидали его. С того самого дня в голове Цянь Яо не осталось ничего, кроме образов гибели. Быть может, это и была его истинная судьба. Он был фальшивым евнухом, которому заказан путь из дворца. Он жил в тесноте с другими слугами, ел и спал у всех на виду. Он не мог гарантировать, что сумеет скрывать правду вечно, и если его

разоблачат, Ци Ань без колебаний отправит его в ад Тёмной тюрьмы.

А побег? В таком охраняемом месте это было почти невозможно. К тому же, куда бежать, если весь мир принадлежит императору? Раньше Цянь Яо лишь тревожился, теперь же тревога переросла в парализующий страх. Одно дело — представлять свою участь, и совсем другое — увидеть её своими глазами. Все его представления о безопасности и порядке были растоптаны.

Он окончательно осознал: это не тот мир, в котором он прожил девятнадцать лет. Там можно было спокойно провести жизнь, просто соблюдая законы и не совершая преступлений, здесь же его судьба находилась в руках лишь одного человека. Тот мог раздавить его так же легко, как обычного муравья.

«Что же мне делать?»

Цянь Яо измученно прикрыл глаза, но мрак тут же принёс с собой образы пыток, и он в ужасе снова распахнул веки.

В комнате стало тихо. Сяо Фуцзы и Сяо Цюаньцзы уже крепко спали. Справа от юноши была стена, и она напоминала ему о каменных мешках темницы. Он поспешно отодвинулся влево и ухватился за край одежды Сяо Фуцзы. Только почувствовав рядом живое тепло, он смог немного успокоиться.

Он по-прежнему не мог уснуть. Цянь Яо уже не помнил, когда в последний раз нормально отдыхал. Постоянное бодрствование сделало его мысли тягучими и в то же время натянутыми, точно струна, готовая лопнуть.

Лекарства не помогали. Друзья смотрели на него с нарастающей тревогой, в которой сквозила тень страха. Цянь Яо понимал их чувства. То, что простому евнуху присылали лекаря — величайшая милость, но у каждой милости есть предел. Если он не поправится, государь просто забудет о нём. У императора слишком много слуг, каждого можно заменить. А лишившись покровительства, Цянь Яо останется один на один со своей безнадёжной судьбой.

«Нужно поправиться. Я должен прийти в себя», — твердил он себе.

Он заставлял себя закрывать глаза, но каждый раз возвращался в то беспросветное подземелье.

Время шло, он проводил дни в тягостном оцепенении. Еду ему приносили вовремя, и порции были щедрыми, но Цянь Яо не мог заставить себя проглотить ни кусочка, особенно если в блюдах было мясо. Стоило ему увидеть мясное, как в нос бил невидимый смрад горелой плоти — тот самый запах жареного человеческого мяса. Желудок тут же отзывался тошнотой.

Видимо, слуга, приносивший еду, что-то заметил, потому что вскоре в рационе остались лишь

овоци. Они шли легче, но аппетита всё равно не было. Из-за этого Цянь Яо стремительно таял на глазах.

Впервые он осознал, как сильно похудел, когда надевал платье: одежда висела на нём мешком. Впрочем, это было неважно — стоило лишь покрепче затянуть пояс. Одевшись, он хотел было выйти, но в дверях его перехватил Сяо Фуцзы.

— Куда ты собрался? На улице снег повалил, холодно. Я вот горячей воды принёс, умойся лучше.

— Снег? — Цянь Яо ещё сильнее захотелось выйти, но друг был непреклонен. Юноша был слишком слаб, любая простуда могла стать для него фатальной.

Оставив надежду на прогулку, он подошёл к окну. Видя его тоскливый взгляд, Сяо Фуцзы сжалился и приоткрыл створку. Цянь Яо тут же прильнул к щели.

Снаружи действительно шёл сильный снег. Слуги на дворцовых дорожках усердно сметали его, но сугробы уже скрывали их лодыжки. Под их ногами раздавался мерзлый хруст. С карнизов свисали длинные сосульки, похожие на прозрачный хрусталь. Красные стены дворца на фоне ослепительной белизны казались декорацией к зимней картине.

Резкий морозный ветер ворвался в комнату, обжигая горло, но Цянь Яо не чувствовал холода. Напротив, ему стало легче. Свежий воздух словно вымывал из лёгких тот застоявшийся запах крови, что преследовал его все эти дни. На миг воцарилось такое спокойствие, что юноше показалось, будто он вернулся в далёкое прошлое. Когда-то он тоже любил вот так, через окно, любоваться падающим снегом.

— Хватит, — Сяо Фуцзы поспешно закрыл окно. — Давай умывайся, скоро принесут еду.

— Угу.

Голова гудела от очередной бессонной ночи, но Цянь Яо послушно умылся. Однако, к его величайшему удивлению, еду принёс не обычный слуга, а Сяо Суйцзы.

Увидев его, Цянь Яо на мгновение решил, что это сон. Правила во дворце были строгими, и они не могли видаться часто, а после перевода к императору шансов на встречу почти не осталось. Затем последовали бесконечные ночные смены и болезнь.

Сяо Суйцзы поначалу сиял от радости, но, взглянув на друга, тут же помрачнел.

— Ты ещё не поправился? Почему ты так исхудал? — он с тревогой смотрел на ввалившиеся щёки Цянь Яо.

Вести во дворце не всегда распространялись быстро, особенно те, которые император желал скрыть. Поэтому никто не знал, что именно произошло в Тёмной тюрьме. Цянь Яо не хотел пугать товарища, поэтому лишь слабо покачал головой.

— Что же это за болезнь такая? — не унимался Сяо Суйцзы.

Юноша проигнорировал вопрос и спросил сам:

— Откуда ты узнал, что я болен?

— Ты ведь любимец императора, во дворце только и разговоров, что о тебе.

— Любимец... — Цянь Яо отрешённо повторил это слово.

— Ну конечно! Какой ещё евнух удостоится такой чести: еду приносят отдельно, лекарь личный... Обычные слуги, если занедужат, на ногах всё переносят. А если не сдюжат, то...

Сяо Суйцзы вздохнул, не договорив. Цянь Яо и сам прекрасно понимал, что следует за этим.

— Вот как? — он не знал, стоит ли ему радоваться такой милости.

— Да что же с тобой стряслось? Говорят, ты уже давно в себя прийти не можешь. Я всё пытался прорваться к тебе, и только вчера выпросил возможность разнести еду.

— Я...

Цянь Яо отчаянно хотелось выговориться, но слова застревали в горле. Рассказ об увиденном ничем бы не помог, лишь отравил бы и его жизнь страхом.

— Должно быть, простудился сильно, — наконец выдавил он.

Друг, всегда веривший ему на слово, кивнул:

— Зимой это дело нехитрое.

Сяо Суйцзы открыл короб для еды и принялся расставлять тарелки.

— Давай ешь. Нужно силы набираться, а то смотреть на тебя больно.

Цянь Яо хотел было предложить ему разделить трапезу, но в этот момент мальчик опасливо огляделся и, убедившись, что они одни, осторожно извлёк из рукава свёрток в засаленной бумаге.

Юноша опустил взгляд. Внутри лежала сочная куриная ножка. Вид лоснящейся кожицы должен был вызвать аппетит, но Цянь Яо почувствовал лишь острый приступ тошноты. В животе всё перевернулось, но он понимал, что это — знак искренней заботы, и из последних сил подавил позыв.

— Я видел, что тебе приносят одну траву, а ты ведь болеешь, тебе силы нужны, — зашептал Сяо Суйцзы. — Я долго уговаривал повара, пока он не разрешил мне втихомолку взять эту ножку. Ешь давай, поправляйся поскорее.

Цянь Яо знал: такие вещи на дворцовой кухне не даются просто так. Сяо Суйцзы наверняка пришлось отдать за это лакомство немало денег.

— Сколько ты заплатил? — спросил он.

— Пустяки, — отмахнулся тот и протянул ему свёрток. — Ешь скорее.

Понимая, какой ценой достался этот кусок мяса, Цянь Яо через силу заставил себя откусить кусочек. Но как бы он ни старался, разжёванное мясо комом встало в горле. Он не мог сделать ни одного глотка.

— Что с тобой? — Сяо Суйцзы встревожился.

Цянь Яо хотел ответить, но рот был полон, и он лишь беспомощно покачал головой. Он опустил голову, пытаясь скрыть искажённое лицо, но друг был слишком близко.

— А Яо, что не так?

— Ниче... — Цянь Яо предпринял отчаянную попытку проглотить кусок, но спазм был сильнее.

Сяо Суйцзы уже не на шутку перепугался.

— Да что случилось?! Цянь Яо! А Яо...

От этих вопросов юноша запаниковал ещё больше. Он судорожно пытался справиться с едой, но в следующую секунду резко оттолкнул друга, и его вывернуло прямо на пол. Желудок был пуст, поэтому вышло лишь то злосчастное мясо, но спазмы были такими сильными, будто его тело пыталось исторгнуть всё изнутри.

И даже так он не мог избавиться от этого навязчивого запаха. Мясо, гарь, гниль, кипящее масло...

События той ночи обрушились на него с новой силой. Цянь Яо словно вновь оказался на ледяном полу темницы. Но в тот момент, когда он был готов окончательно сломаться, чьи-то руки крепко обняли его.

Юноша поднял затуманенный взор и увидел Сяо Суйцзы, который опустился перед ним на колени и прижал к себе. Тот больше ничего не спрашивал. Он просто держал его, крепко и надёжно, и тихонько гладил по спине, шепча:

— Всё хорошо... Всё закончилось...

Этот мальчик, который был младше и слабее его, сейчас стал для него единственной опорой. Знакомое тепло окружило Цянь Яо, и то чувство безопасности, которое было растоптано в Тёмной тюрьме, начало по крупицам восстанавливаться под этот тихий шёпот.

Словно упавший лист, долго кружившийся на ветру, наконец коснулся земли, обретя покой.

Юноша прижался к груди друга и заметил на полу мокрые пятна. Он коснулся лица и понял, что плачет. Казалось, душа, оставленная в подземелье, наконец вернулась в его тело, возвращая ему способность чувствовать.

Слёзы хлынули нескончаемым потоком. Вцепившись в одежду Сяо Суйцзы, Цянь Яо наконец-то дал волю чувствам. Он рыдал в голос, захлёбываясь от рыданий, не в силах остановиться. А Сяо Суйцзы просто молчал и обнимал его, позволяя выплакать весь тот первобытный ужас, что копился в нём всё это время.

<http://bllate.org/book/15347/1417005>